

семья О'Брайен

лайза дженова

семья О'Брайен

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д40

Lisa Genova

INSIDE THE O'BRIENS

Copyright © 2015 by Lisa Genova
Originally published by Gallery Books,
a Division of Simon & Schuster Inc.

Перевод с английского *Е. Ракитиной*
Художественное оформление серии *П. Петрова*

Дженова, Лайза.

Д40 Семья О'Брайен : [роман] / Лайза Дженова ;
[пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 416 с. — (Мировой бест-
селлер).

ISBN 978-5-699-94464-4

Представьте семью: отец-полицейский, домохо-
зяйка мать и четверо славных детей. А теперь пред-
ставьте, как однажды на приеме у врача отец семей-
ства узнает, что у него неизлечимое заболевание —
болезнь Хантингтона, которая уничтожит его тело и
разум в ближайшие 15 лет. Да, болезнь генетическая,
это значит, что с вероятностью в пятьдесят процентов
дочка, профессиональная балерина, не сможет больше
танцевать. И можно забыть о внуках, ведь они тоже в
зоне риска. Как дальше жить О'Брайенам? Вариантов
несколько: можно сдаться, жалеть себя, злиться, мо-
литься, ждать конца. А можно всем вместе вступить
в схватку с судьбой и взять от жизни все, что полага-
ется.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94464-4

Посвящается Стелле

Памяти Меган, с любовью

Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас.

Евангелие от Фомы. Изречение 74.

Когда что-то себе представил, распредставить уже нельзя.

Джо О'Брайен

Часть первая

Болезнь Хантингтона (БХ) — наследственное нейродегенеративное заболевание, для которого характерны прогрессирующая утрата сознательного моторного контроля и возрастание числа произвольных движений. Начальные физические симптомы включают потерю равновесия, снижение ловкости, падения, хорею, невнятную речь и затрудненное глотание. Болезнь диагностируется с помощью нейрологического исследования на основании упомянутых проблем с движением; диагноз может быть подтвержден с помощью генетического анализа, поскольку болезнь вызывается единичной генетической мутацией.

Несмотря на то что для диагноза необходимо наличие физических симптомов, существует протекающий бессимптомно «продром БХ», который длится иногда до пятнадцати лет, прежде чем появятся проблемы с движением. Продромальные симптомы БХ затрагивают психиатрическую и когнитивную сферу и могут включать депрессию, апатию, паранойю, обсессивно-компульсивные расстройства, импульсивность, вспышки гнева, снижение скорости и гибкости когнитивных процессов и ухудшение памяти.

БХ, как правило, диагностируется между тридцатью пятью и сорока четырьмя годами и неизбежно приводит к смерти в течение десяти-двадцати лет. Лечения, которое могло бы повлиять на развитие болезни, не существует, излечение также невозможно.

Ее называют самой жестокой из известных человечеству болезней.

Глава 1

Эта чертова баба вечно перекладывает его вещи. Ни ботинки в гостиной не сбросишь, ни темные очки на кофейный столик не положишь, все «убирает на место». Кто ее назначил богом в этом доме? Да если ему захочется навалить кучу вонючего дерьма посреди кухонного стола, там она и должна лежать, пока он ее не тронет.

И где, твою мать, пистолет?

— Роузи! — орет Джо из спальни.

Смотрит на часы: 7:05 утра. Он опоздает на перекличку, если немедленно не выйдет, но не может же он уйти без пистолета.

Думай. В последнее время так трудно думать, когда спешишь. К тому же тут на тысячу градусов жарче, чем в аду. Для июня просто пекло, всю неделю под тридцать, и ночами почти не остывает. Спать в такую погоду невозможно. Воздух в доме стоячий, как болото, сегодняшняя жара и влажность уже теснят то, что набралось за вчерашний день. Окна настезь, но это совершенно не помогает. Хейнсовская белая футболка под жилетом

прилипают к спине, и это его бесит. Только что из душа, а хоть снова полезай.

Думай. Принял душ, оделся: штаны, футболка, кевларовый жилет, носки, ботинки, ремень с кобурой. Потом вынул пистолет из сейфа, снял с предохранителя, а потом? Он опускает глаза на правое бедро. Пистолета там нет. Он по весу чувствует, что его там нет, даже не глядя. Подсумок, наручники, газовый баллончик, рация и дубинка на месте, а пистолета нет.

В сейфе его нет, на тумбочке нет, в верхнем ящике тумбочки нет и на неубранной постели нет. Он смотрит на тумбочку Роузи. Ничего, только Дева Мария в центре кружевной салфеточки цвета слоновой кости. Уж она-то ему точно не поможет.

Святой Антоний, да где ж он, мать его так?

Он устал. Прошлым вечером стоял на регулировке возле Парка. Чертов Джастин Тимберлейк, концерт затянулся. Вот он и устал. И что? Он годами устает. Не может же он настолько устать, что заряженный пистолет неизвестно куда сунул. Из тех, кто служит столько же, сколько Джо, многие начинают небрежничать с табельным оружием, но только не Джо.

Он тяжело спускается в холл, проходит мимо двух других комнат и заглядывает в единственную в доме ванную. Ничего. Врывается в кухню, упершись руками в бока и по привычке нащупывая основанием правой ладони рукоять пистолета.

Четверо его подростков, еще не принявших душ и лохматых со сна, уже встали и расселись вокруг кухонного стола за завтраком: тарелки с недожаренным беконом, жидкая яичница, подгоревшие

тосты из белого хлеба. Все как всегда. Джо осматривает комнату и замечает пистолет, свой заряженный пистолет, на горчично-желтой столешнице «Формика» рядом с мойкой.

— С добрым утром, пац, — произносит Кейти, младшенькая.

Она улыбается, но робко, понимая, что что-то не так.

Он не обращает на Кейти внимания. Поднимает «Глок», убирает его в кобуру, и тут в прицел его гнева попадает Роузи.

— На кой тебе сдался мой пистолет?

— Ты о чем? — спрашивает Роузи, стоящая у плиты в розовой майке без лифчика, в шортах и босиком.

— Вечно ты перекладываешь мое барахло, — говорит Джо.

— Твой пистолет я в жизни не трогала, — поворачивается к нему Роузи.

Роузи маленькая, в ней полтора метра с кепкой, и весит она сорок пять кило, если сыта. Джо тоже не великан. В форменных ботинках в нем метра восьмидесяти нет, но все думают, что он выше, наверное, потому, что у него грудная клетка широкая, и руки мускулистые, и голос низкий и хриплый. К тридцати шести он слегка наел живот, но для его возраста терпимо, учитывая, сколько он сидит в патрульной машине. Обычно он веселый и легкий, просто котик, но даже когда он улыбается и в голубых глазах появляется озорной огонек, все знают, что он крут, таких уже не делают. Никто против Джо не пойдет. Никто, кроме Роузи.

Семья О'Брайен

Она права. Она никогда не трогает его пистолет. Пусть Джо и служит уже столько лет, Роузи так и не привыкла к тому, что в доме есть оружие, хотя пистолет всегда в сейфе или в верхнем ящике тумбочки Джо и на предохранителе, или у него на правом бедре. Так было до сегодняшнего утра.

— Тогда какого хера он там делал? — спрашивает Джо, указывая на стол возле мойки.

— Придержи язык, — говорит Роузи.

Он оборачивается на четверых своих детей, которые перестали есть, чтобы не пропустить представление. Глаза его останавливаются на Патрике. Благослови его Господь, но ему шестнадцать, и он без царя в голове. Именно такую штуку он бы и мог выкинуть, хотя детям за годы прочитано столько нотаций про пистолет.

— Так, кто из вас это сделал?

Они смотрят, не говоря ни слова. Чарлстаунский заговор молчания, да?

— Кто взял мой пистолет и положил возле мойки? — громко спрашивает Джо.

Отмолчаться не выйдет.

— Не я, пап, — произносит Меган.

— И я не я, — говорит Кейти.

— Не я, — вторит Джей Джей.

— Я этого не делал, — подает голос Патрик.

Это же говорят все преступники, которых ему случалось задерживать. Все прям святые, язви их душу. Смотрят на него снизу вверх, моргают и ждут. Патрик сует в рот резиновый кусок бекона и жует.

— Съешь что-нибудь перед уходом, Джо, — говорит Роузи.

Он опаздывает, ему некогда завтракать. Опоздывает, потому что искал этот чертов пистолет, который кто-то взял и положил на кухонный стол. Опоздывает и чувствует, что не контролирует ситуацию, и еще ему слишком, слишком жарко. Воздух в тесной кухне густой, как бульон, дышать нечем, жар плиты, шести тел и погоды словно разжигает нечто, уже готовое закипеть у него внутри.

Он опоздает на переключку, и сержант Рик Макдонах, который на пять лет младше Джо, снова станет его распекать, а то и рапорт подаст. Он не может и думать о подобном унижении, и что-то у него внутри взрывается.

Он хватается за ручку чугунную сковородку, стоящую на плите, и швыряет ее через кухню. Она врежется в гипсокартонную стену возле головы Кейти, пробив изрядную дыру, а потом с громким «бам», отдающимся эхом, приземляется на линолеум. Бурые, как ржавчина, капли жира от бекона ползут по обоям в маргаритках, словно кровь из раны.

Дети замолкают с вытаращенными глазами. Роузи ничего не говорит и не двигается. Джо вылетает из кухни, проносится по узкому коридору и забегает в ванную. Сердце у него колотится, и голова горит, нестерпимо горит. Он умывается и поливает затылок прохладной водой, потом вытирается полотенцем для рук.

Ему нужно уходить, прямо сейчас, но что-то в его отражении цепляет Джо и не отпускает.

Глаза.

Зрачки расширены и черны от адреналина, глаза, как у акулы, но дело не в этом. Дело в выраже-

Семья О'Брайен

нии глаз, из-за него он замер. Дикие, блуждающие, полные ярости. Как у матери.

Тот же безумный взгляд, что приводил его в ужас, когда он был мальчишкой. Он смотрит в зеркало, он опаздывает на переключку, прикованный к несчастным глазам своей матери; она точно так же смотрела на него, когда ей уже ничего не оставалось, только лежать на кровати в психиатрической палате, — немая, измученная, одержимая, ждущая смерти.

Дьявол, живший в глазах его матери, дьявол, умерший двадцать пять лет назад, сейчас глядит на него из зеркала в ванной.

Семь лет спустя

Глава 2

Прохладное воскресное утро, Джо гуляет с собакой, пока Роузи ушла в церковь. Он раньше ходил с ней и детьми, когда был не на дежурстве, но когда состоялась конфирмация Кейти, все сошло на нет. Теперь ходит одна Роузи, и все они, жалкие грешники, вызывают у нее отвращение. Джо верен традициям: неудачная черта для того, у кого полноценный выходной приключается раз в семь с половиной лет и кто шесть лет не проводил рождественское утро с семьей; он и теперь ходит к мессе в сочельник и на Пасху, когда получается, но с еженедельными службами завязал.

Не то чтобы он не верил в Бога. В рай и ад. В добро и зло. Хорошее и дурное. Большую часть